

УДК 347.9

DOI 10.17223/22253513/18/6

А.С. Князьков, В.А. Уткин

УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ПРИ ПОЖИЗНЕННОМ ЛИШЕНИИ СВОБОДЫ

Рассматриваются теоретические и практические вопросы условно-досрочного освобождения при отбывании уголовного наказания в виде пожизненного лишения свободы. Уточняются требования, которым должна отвечать личность освобожденного. Обращается внимание на несоответствие обязательных к отбытию сроков при пожизненном лишении свободы и сверхдлительных сроках этого наказания.

Ключевые слова: *уголовно-досрочное освобождение, пожизненное лишение свободы.*

Пожизненное лишение свободы как уголовное наказание впервые появилось в уголовном законодательстве России в конце 1992 г. Согласно Закону РСФСР от 17 декабря 1992 г. «О внесении изменений в ст.24 УК РСФСР» стало возможным применение в порядке помилования вместо смертной казни лишения свободы пожизненно [1]. В то время пожизненное лишение свободы не рассматривалось законодателем как самостоятельный вид наказания. Это было сделано только в УК РФ 1996 г., где наряду с «лишением свободы на определённый срок» (п. «л» ст. 44) появилось «пожизненное лишение свободы» (п. «м» ст. 44 УК РФ).

В конечном итоге пожизненное лишение свободы стало рассматриваться законодателем и судебной практикой не только в качестве альтернативы смертной казни, что привело к росту числа осужденных, отбывающих данное наказание. На протяжении ряда лет это отражалось в данных ведомственной статистики: по состоянию на 1 января 2005 г. – 1 577 чел.; на 1 января 2006 г. – 1 591 чел.; на 1 января 2007 г. – 1 628 чел. [2]. В этой связи к 2015 г. прогнозировалась численность отбывающих пожизненное лишение свободы примерно в 2 000 чел. [3. С. 3].

Эти предположения фактически подтвердились. По данным ФСИН России, на 1 января 2015 г. в исправительных колониях для осужденных к пожизненному лишению свободы отбывало наказание 1 897 чел. (на 37 больше, чем в 2014 г.).

В этой связи в целом справедливы суждения об увеличении в перспективе и количества исправительных учреждений для исполнения данного вида наказания [4. С. 5], хотя и с некоторыми оговорками. Первая касается возможного увеличения лимита наполнения уже существующих учреждений. Вторая – «ротации» тюремного населения (хотя и не столь активного, как при лишении свободы на определённый срок). В любом случае рано или поздно наступит момент, когда ежегодный «прирост» осужденных в учреждения для

отбывания пожизненного лишения свободы (примерно 60 чел. в год)¹ будет компенсирован сокращением числа осужденных ввиду их смертности или освобождения по предусмотренным законом основаниям.

Среди таких оснований наибольшего внимания заслуживает условно-досрочное освобождение, возможность которого допускается ч. 5 ст. 79 Уголовного кодекса РФ при фактическом отбытии осужденным не менее двадцати пяти лет лишения свободы.

В 1997 г., изучая проблемы пожизненного лишения свободы, один из авторов этих строк писал, что вопросы условно-досрочного освобождения «пожизненников» «практически будут решаться лишь по истечении десятилетий» [5. С. 60]. Однако жизнь привела к необходимости их решения гораздо раньше: по данным статистики ФСИН, начиная уже с 2010 г., фиксируются единичные случаи условно-досрочного освобождения отбывающих пожизненное лишение свободы.

Уместен вопрос: если УК РФ вступил в силу 1 января 1997 г., то почему такая ситуация возможна? Ведь требуемый законом 25-летний срок истекает лишь в 2022 г. Однако мы не случайно вначале обратились к истории. Для отдельных осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, реальное нахождение в местах лишения свободы (включая СИЗО в период следствия, судебного разбирательства, ожидания помилования от Президента СССР, а с распадом СССР – от Президента России) ведет свой отсчет с середины 80-х гг. XX столетия. Уже в работе 1997 г. на этот счет содержались соответствующие примеры [5. С. 78–79 и др.]. Понятно, что число возможных «кандидатов» на условно-досрочное освобождение будет увеличиваться, невзирая на их возраст. Во всяком случае, будет расти количество осужденных, которые могли бы претендовать на условно-досрочное освобождение формально, ввиду истечения требуемого законом 25-летнего срока нахождения в местах лишения свободы.

Актуальность проблемы условно-досрочного освобождения «пожизненников» все более признается практикой. Свидетельством этому является ряд рабочих совещаний, проведенных в 2013–2014 гг. в Верховном Суде России и ФСИН РФ. Однако наука к этим проблемам пока в должной степени не вернулась.

Обратимся вначале к общей юридической конструкции условно-досрочного освобождения применительно к рассматриваемой категории осужденных. Как известно, в мире существует две системы условно-досрочного освобождения: «система дискреционного условно-досрочного освобождения» и «система обязательного условно-досрочного освобождения» [6. С. 45]. В первом случае условно-досрочное освобождение – это не право осужденного, а право суда или иного установленного законом компетентного органа. Заключение имеет право ходатайствовать об этом при отбытии минимального срока, установленного законом. Причем критерии, которым должен соответствовать заключенный, претендующий на условно-досрочное освобождение, должны быть очевидными, ясными и реалистичными [Там же]. Обя-

¹ По данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2013 г. к пожизненному лишению свободы был осужден 61 чел., в 2014 г. – 62 чел.

занность доказывания того, что заключенный не соответствует таким критериям, должна возлагаться на государственные органы.

При системе обязательного условно-досрочного освобождения у заключенного возникает непосредственное право на условно-досрочное освобождение, причем срок наказания, который должен отбыть осужденный, должен быть установлен в законе. Только при исключительных обстоятельствах, также установленных в законе, условно-досрочное освобождение может быть отложено, причем в решении об отсрочке должна быть указана дата нового рассмотрения.

Советское уголовное законодательство не оставляло сомнений в том, что оно стояло на позициях «дискреционного условно-досрочного освобождения». Статья 53 УК РСФСР 1960 г. устанавливала, что «условно-досрочное освобождение... **может быть применено** к осужденному лишь в том случае, если он примерным поведением и честным отношением к труду доказал свое исправление (выделено нами. – *А.К., В.У.*)». Иная формулировка содержится в ч. 1 ст. 79 УК РФ: «Лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части, принудительные работы или лишение свободы, **подлежит** условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания... (выделено нами)». В итоге появились суждения, что в действующем законодательстве условно-досрочное освобождение – это не право, а обязанность суда, который тем самым реализует право осужденного на условно-досрочное освобождение» [7. С. 533–534]. Логическим (и где-то доведенным до крайности) продолжением такого подхода стали предложения об устранении суда из сферы условно-досрочного освобождения¹.

Между тем ни закон, ни практика его применения не дают оснований считать, что с принятием УК РФ 1996 г. в подходах законодателя к условно-досрочному освобождению произошла коренная смена парадигм от дискреционного к обязательному условно-досрочному освобождению. Не будем повторять аргументы, уже высказанные на этот счет в литературе. Сошлемся лишь на позицию Верховного Суда РФ, ясно выраженную им в соответствующем Постановлении 2009 г. (п. 1): «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания может быть применено только к тем осужденным, которые, по признанию суда, для своего исправления не нуждаются в полном отбывании назначенного судом наказания и отбыли предусмотренную законом его часть» [9. С. 16].

Примечательно, что применительно к пожизненному лишению свободы вопрос о природе условно-досрочного освобождения и в действующей редакции УК РФ не возникает. В ч. 5 ст. 79 УК указано, что «лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, **может быть освобождено** условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы (выделено нами. – *А.К., В.У.*)».

¹ «Условно-досрочное освобождение должно происходить автоматически, а не по решению суда», – считает министр юстиции Александр Коновалов [8. С. 2].

Тем не менее не вполне корректная формулировка ч. 1 ст. 79 УК переводит решение вопроса об условно-досрочном освобождении в плоскость установления пресловутой «нуждаемости» в дальнейшем отбывании наказания. Причем, если в ч. 1 ст. 79 говорится о «ненуждаемости» осужденного «для своего исправления», то применительно к «пожизненникам» такого уточнения, как сказано выше, нет. На наш взгляд, это следует расценивать всего лишь как недочет юридической техники, а не принципиально различный подход законодателя к основаниям и критериям условно-досрочного освобождения «пожизненников» и иных осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы¹.

Вопрос о конкретных показателях условно-досрочного освобождения осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, весьма непросто и является предметом острых дискуссий в контексте общих параметров оценки критериев исправления осужденных [10. С. 288–289]. Подробно остановился на этом Верховный Суд РФ в уже упомянутом гостановлении. Обратим также внимание на положения, которые содержатся в международных документах (Рекомендациях Совета Европы). В Рекомендациях от 9 октября 2003 г. Rec (2013) 23 государств – членам Совета Европы и администрации исправительных учреждений, касающихся обращения с лицами, приговоренными к пожизненному заключению или другим длительным срокам лишения свободы, в этой связи gjlxthrbdfncz необходимость адекватной оценки степени риска, исходящего от заключенного, расширение и совершенствование возможной успешной ресоциализации заключенных и склонение их к «законопослушному образу жизни после освобождения» [11. С. 98, 100]. Упомянутая выше Рекомендация Rec (2013) 23 об условно-досрочном освобождении гласит, что «критерии, которым должен соответствовать заключенный, должны быть определенными и ясными. Также они должны быть реалистичными, то есть учитывать личность заключенного». В то же время они должны применяться таким образом, «чтобы могли быть освобождены условно-досрочно все заключенные, которые соответствуют минимальному уровню безопасности и могут стать законопослушными гражданами» [11. С. 185].

По нашему мнению, весьма удачно взаимосвязь пенитенциарного и постпенитенциарного критериев условно-досрочного освобождения была отражена в Законе Российской империи от 22 июня 1909 г. «Об условно-досрочном освобождении». В ст. 2 данного Закона говорилось, что условно-досрочное освобождение могло быть предоставлено осужденному в том случае, если его одобрительное поведение давало достаточное основание полагать, что по освобождении из заключения он будет вести добропорядочный образ жизни. Тем самым субъективным основанием применения данной меры являлось «вероятное предположение, что заключенный усвоил себе привычку воздерживаться от дурного образа жизни, укрепил в себе стремление к добру, уважение к законам и потребность в труде» [12. С. 43]. Признаки, на которых мог быть основан такой прогноз, определялись циркулярами Мини-

¹ Заметим, что в ч. 1 ст. 79 УК говорится о «лишении свободы», а не о «лишении свободы на определенный срок». Это, строго говоря, не соответствует пп. «л», «м» ст. 44 УК и помимо прочего свидетельствует о непоследовательности законодателя и нецелесообразности существования пожизненного лишения свободы в качестве самостоятельного вида наказания. Подробнее см. [5. С. 31–34].

стерства юстиции по Главному тюремному управлению в качестве показателей исправления [13. С. 10].

Согласно ч. 2 ст. 175 УИК в характеристике, представляемой администрацией управлений, «должны содержаться данные о поведении осужденного, его отношении к учебе и труду в течение всего периода отбывания наказания, об отношении осужденного к совершенному им деянию, о возмещении причиненного преступлением вреда, а также заключение администрации о целесообразности условно-досрочного освобождения». На наш взгляд, критерии условно-досрочного освобождения применительно к «социальной и экономической ситуации» предполагают детальное отражение в заключении администрации о целесообразности или нецелесообразности освобождения не только данных о личности, но и о совокупности тех социальных и бытовых условий, которые будут сопровождать осужденного на свободе. В ином случае накопленный за период заключения «десоциализирующий потенциал» приведет к тому, что последствия условно-досрочного освобождения окажутся не только опасными для общества, но и негуманными для освобожденного.

Конечно, в упомянутых международных актах подчеркивается, что отсутствие постоянного жилища не должно являться основанием для отказа или отсрочки условно-досрочного освобождения. В таких случаях заключенному должно быть предоставлено временное жилище [11. С. 114]. Можно уповать на жизненность этой рекомендации в таком общем виде применительно к «пожизненным». Наиболее реалистичным, видимо, было бы все же не условно-досрочное освобождение таких лиц, полностью утративших социальные связи, а перевод их в колонии-поселения (до практического решения вопросов о трудоустройстве либо до конца жизни). Но это потребует соответствующих изменений в уголовно-исполнительном законодательстве, направленных на ресоциализацию при отбывании пожизненного лишения свободы принципов «прогрессивной системы» исполнения наказания.

Учитывая, что обязательным условием условно-досрочного освобождения осужденного-«пожизненника» является отбытие им не менее двадцати пяти лет лишения свободы, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ 2009 г. отмечается, что время содержания лица под стражей до вступления приговора в законную силу засчитывается в срок фактического отбытия лишения свободы.

До законодательных новелл последних лет, в том числе внесения изменений в ч. 5 ст. 56 УК («Лишение свободы на определенный срок»), указанный выше 25-летний срок логично вписывался в систему иных необходимых сроков при условно-досрочном освобождении: при максимальной продолжительности «срочного» лишения свободы в 20 лет (а по совокупности преступлений и приговоров – соответственно 25 и 30 лет) требуемая законом при пожизненном заключении продолжительность в 25 лет во всяком случае превышала максимальные три четверти срока, необходимого при условно-досрочном освобождении от «срочного» лишения свободы. Ныне ситуация изменилась. Максимальный срок лишения свободы при совершении хотя бы одного из преступлений, указанных в ч. 5 ст. 56 УК, при частичном или полном сложении сроков при совокупности преступлений может составлять 30

лет, а по совокупности приговоров – 35 лет. Необходимые три четверти срока при максимальном сроке в 35 лет составляют уже 26 с половиной лет, а не 25 лет, как при пожизненном лишении свободы. Если же среди преступлений, наказание за которые назначено по совокупности приговоров, есть и преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних, не достигших четырнадцатилетнего возраста, то фактически требуется отбывание осужденным не менее четырех пятых назначенного срока наказания. При максимальном сроке в 35 лет этот срок возрастет уже до 28 лет. Такое положение едва ли соответствует закрепленному в ст. 6 УК РФ принципу справедливости.

Как указано в ч. 5 ст. 79 УК, условно-досрочное освобождение при пожизненном лишении свободы «применяется только при отсутствии у осужденного злостных нарушений установленного порядка отбывания наказания в течение предшествующих трех лет». Перечень конкретных злостных нарушений изложен в ч. 1 ст. 116 УК РФ. Кроме того, злостным может быть признано совершение в течение одного года повторного нарушения установленного порядка отбывания наказания, если за каждое из этих нарушений осужденный был подвергнут взысканию в виде водворения в штрафной изолятор (ч. 2 ст. 116).

Трудно объяснить, почему еще в 1996 г., до принятия Уголовно-исполнительного кодекса, был принят упомянутый выше трехлетний период. Ведь, как свидетельствует ст. 116 УИК, даже среди «злостных» видов нарушений в предусмотренном им перечне (а особенно в ч. 2 ст. 116) имеют место совершенно различные по своему характеру, общественной опасности и «прогностической» значимости нарушения. Кроме того, нужно иметь в виду, что в ч. 8 ст. 117 УИК (принятого, как сказано, позднее) говорится, что «если в течение года со дня отбытия дисциплинарного взыскания осужденный не будет подвергнут новому взысканию, он будет считаться не имеющим взысканий». Верховный Суд РФ также отмечает, что «наличие или отсутствие у осужденного взыскания не может служить как препятствием, так и основанием к его условно-досрочному освобождению» [9. С. 16].

Обратим внимание и на то установленное ч. 5 ст. 75 УК обстоятельство, что «лицо, совершившее в период отбывания пожизненного лишения свободы новое тяжкое или особо тяжкое преступление, условно-досрочному освобождению не подлежит». Во-первых, неясно, распространяется ли этот запрет на лицо, совершившее новое тяжкое или особо тяжкое преступление не в период непосредственного отбывания пожизненного лишения свободы, а при нахождении в местах предварительного заключения. Здесь, как мы полагаем, расширенное толкование, принимающее форму аналогии, неуместно, поскольку это прямо запрещено ч. 2 ст. 3 УК РФ («Принцип законности»). Во-вторых, непонятно, почему между злостными нарушениями порядка отбывания наказания, с одной стороны, и тяжкими и особо тяжкими преступлениями – с другой, образовался пробел законодательства в виде преступлений небольшой и средней тяжести. Разумеется, спектр возможных преступлений этих категорий в условиях строгих мер изоляции при пожизненном лишении свободы весьма невелик, к тому же администрация учреждения имеет широкий арсенал мер безопасности и дисциплинарных взысканий, в особенности

при преступлениях небольшой тяжести. Однако обратим внимание на такие, например, деяния, как «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью» (ст. 112 УК РФ) с санкцией по ч. 2 до пяти лет лишения свободы или «Дезорганизация деятельности учреждений, обеспечивающих изоляцию от общества» (ст. 321 УК РФ) с санкциями по чч. 1 и ч. 2 также до пяти лет лишения свободы. Все эти деяния закон (ч. 3 ст. 15 УК РФ) относит к преступлениям средней тяжести. Между тем их юридическое значение для неприменения либо отсрочки применения условно-досрочного освобождения при пожизненном лишении свободы пока не определено.

Наконец, условно-досрочный характер освобождения «пожизненника» предполагает испытательный срок, в течение которого возможна отмена условно-досрочного освобождения. Однако в законе никак не определяется его продолжительность. Едва ли можно согласиться с суждениями, что таким сроком должна быть вся оставшаяся жизнь освобожденного. Поскольку пожизненное лишение свободы применяется за особо тяжкие преступления, более обоснован вывод, что испытательный срок должен исчерпываться сроком судимости [5. С. 68]. При этом снятие или погашение судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью (ч. 6 ст. 86 УК).

Литература

1. *Ведомости* Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РФСР. 1993. № 1. Ст. 9.
2. *Сведения о преступлениях в уголовно-исполнительной системе: информационно-аналитический сборник*. М.: ГНЦ ФГУ НИИ и ПТ ФСИН России, 2007. 133 с.
3. Кокурин А.В., Селиверстов В.И. Осужденные к пожизненному лишению свободы. По материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, 12–18 ноября 2009. М., 2011. 104 с.
4. Баламут А.Н. Осужденные к пожизненному лишению свободы и пути оказания им психологической помощи. М.: Penal Reform International, 2009. 198 с.
5. Уткин В.А., Детков В.П. Пожизненное лишение свободы. Томск: Изд-во НТЛ, 1997. 136 с.
6. *Рекомендация* Rec (2003) 23 Комитета Министров Совета Европы государствам-членам об условно-досрочном освобождении. Приложение к Рекомендации Rec (2003) 23.
7. *Уголовно-исполнительное право* России. Общая и Особенная части. М.: Юрайт, 2012. 751 с.
8. Корня А., Резник И. Досрочно без суда // *Ведомости*. 2010. 17 дек.
9. О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 8 от 21 апреля 2009 г. // *Рос. газета*. 2009. 29 апр.
10. Степанов В.В. Поведение в период отбывания наказания как критерий оценки степени исправления осужденных к лишению свободы // *Библиотека криминалиста*. 2011. № 1. С. 288–291.
11. *Сборник конвенций и рекомендаций, касающихся пенитенциарных вопросов*. Рязань: Академия ФСИН России, 2008. 236 с.
12. Закон от 22 июня с изложениями рассуждений, на коих он основан. СПб., 1909. 63 с.
13. Воронин О.В. Производство по рассмотрению и разрешению вопросов, связанных с условно-досрочным освобождением. Томск: Изд-во НТЛ, 2004. 208 с.

Knyazkov Alexey S., Utkin Vladimir A. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation)

RELEASE ON PAROLE IN CASE OF LIFE IMPRISONMENT

Key words: Release on parole, life imprisonment.

Life imprisonment as type of punishment appeared in the Criminal Code of Russia in 1996. However, it was possible to apply life imprisonment as alternative to capital punishment in case of pardon already in 1992. In practice, some convicts, sentenced to this type of punishment in case of pardon, have been remaining in custody since the mid 80^s of last century. That is why problems of release on parole in case of life imprisonment are obtaining not only theoretical, but also practical significance.

There is no doubt that one of the most important criteria of the release on parole of a convict, who was serving his life imprisonment, is identity of the mentioned person. Moreover, criteria applicable to convicts, who claim to be released on parole, should be evident, clear and real. It's duty of state authorities to prove that the convict does not satisfy the requirements.

However, circumstances and conditions of living of a convict after release deserve special attention in the range of circumstances, considered by court in case of release on parole of such convicts. Without objective possibilities of positive re-socialization out of prison and special centers of social adaptation it is more humane and more safety for the society to put the convicts to penal settlements, and do not release them on parole. It is necessary to take into consideration issue of society's security, remembering "potential of desocialization" of a convict, accumulated during the period of sentencing. It is sure that it is essential to change in this case existed Russian penal legislation.

After appearance in the Criminal Code of the Russian Federation above lasting periods of imprisonment over accumulative sentences, compulsory 25-years term of imprisonment in case of life imprisonment, prescribed by the law, is already not maximum term for imprisonment in any case. This fact should not be considered as fair.

The law does not admit release on parole of a convict, who committed grievous or extremely grievous crime in period of his imprisonment. This release is not applied when a convict commits worse violation of on order during last three years. The legislator did not take legal circumstances of minor offences and medium gravity crimes, committed by persons, convicted to life imprisonment (for example, provided by the article 321 of the Criminal Code of the Russian Federation "Disarrangement of authorities' activity", ensured isolation from the society).

Another legal gap is absence indication of probation period in legislation, at the end of which reconsideration of life imprisonment is possible under certain circumstances. It is hardly to agree with such opinions that this period is the rest of life of a released person. Whereas, life imprisonment is applied for extremely grievous crimes, it is necessary to underline that probation period should be ended with the period of conviction. Cancellation of a criminal record or its expunging cancels all legal consequences, associated with conviction.

References

1. Russian Federation. (1993) *Vedomosti S"ezda narodnykh deputatov RSFSR i Verkhovnogo Soveta RSFSR* [Bulletin of the Congress of People's Deputies and the Supreme Council of the RSFSR]. 1. Art. 9.
2. Petrukhin, E.V. (2007) *Svedeniya o prestupleniyakh v ugolovno-ispolnitel'noy sisteme* [Information about crimes in the penal system]. Moscow: Federal Penitentiary Service of Russia.
3. Kokurin, A.V. & Seliverstov, V.I. (2011) *Osuzhdennye k pozhiznennomu lisheniyu svobody. Po materialam spetsial'noy perepisi osuzhdennykh i lits, soderzhashchikhsya pod strazhey, 12–18 noyabrya 2009* [Sentenced to life imprisonment. Based on the materials from the special census of prisoners and persons in detention, November 12–18, 2009]. Moscow.
4. Balamut, A.N. (2009) *Osuzhdennye k pozhiznennomu lisheniyu svobody i puti okazaniya im psikhologicheskoy pomoshchi* [Sentenced to life imprisonment and ways of providing them with psychological assistance]. Moscow: Penal Reform International.
5. Utkin, V.A. & Detkov, V.P. (1997) *Pozhiznennoe lishenie svobody* [Life imprisonment]. Tomsk: NTL.
6. The European Council. (2003) *Rekomendatsiya Rec (2003) 23 Komiteta Ministrov Soveta Evropy gosudarstvam-chlenam ob uslovno-dosrochnom osvobozhdenii. Prilozhenie k Rekomendatsii Rec (2003) 23* [Recommendation Rec (2003) 23] the Committee of Ministers to member-states on parole. Appendix to Recommendation Rec (2003) 23].
7. Antonyan, E.A. et al. (2012) *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo Rossii* [The Penal Law of the Russian Federation]. Moscow: Yurayt.
8. Kornya, A. & Reznik, I. (2010) *Dosrochno bez suda* [Early parole without trial]. *Vedomosti*. 2010.

9. The RF Supreme Court. (2009) O sudebnoy praktike uslovno-dosrochnogo osvobozhdeniya ot otbyvaniya nakazaniya, zameny neotbytoy chasti nakazaniya bolee myagkim vidom nakazaniya: Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 8 ot 21 aprelya 2009 g. [Parole, replacing the unserved part of imprisonment with a lenient punishment: Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. Resolution 8 of April 21, 2009]. *Rossiyskaya gazeta*. 29th April.

10. Stepanov, V.V. (2011) Povedenie v period otbyvaniya nakazaniya kak kriteriy otsenki stepeni ispravleniya osuzhdennykh k lisheniyu svobody [The behavior during the imprisonment as a criterion for evaluating the degree of correction of convicts]. *Biblioteka kriminalista*. 1. pp. 288-291.

11. Kalinin, Yu.I. (ed.) (2008) *Sbornik konventsiy i rekomendatsiy, kasayushchikhsya penitentsiarnykh voprosov* [Collection of Conventions and Recommendations relating to penal matters]. Ryazan: Academy of Federal Penitentiary Service of Russia.

12. Russia. (1909) *Zakon ot 22 iyunya s izlozheniyami rassuzhdeniy, na koikh on osnovan* [The Law of 22 June setting out the arguments on which it is based]. St. Petersburg.

13. Voronin, O.V. (2004) *Proizvodstvo po rassmotreniyu i razresheniyu voprosov, svyazannykh s uslovno-dosrochnym osvobozhdeniem* [Proceedings on cases related to parole]. Tomsk: NTL.